

особая отрасль исторической науки, ориентированная на изучение знамен, флагов, штандартов, много моложе сфрагистики и геральдики. В этой связи заслуживает особой поддержки основательный очерк Н.А. Соболевой о русских знаменах. Он содержит ценный экскурс в историю использования знаменных знаков на Древнем Востоке, в эллинистических державах, Древнем Риме, Византийской империи и средневековых государствах Западной Европы. Приводится разбор древнеримской и средневековой терминологии, применявшейся для обозначения знамен различного типа. Сложность вексиллографического исследования состоит в отсутствии сохранившихся от отдаленного времени подлинных знамен. Их приходится изучать по древним и средневековым изображениям на рельефах, монетах и печатях, по миниатюрам средневековых манускриптов. Очень ценным источником выступает трак-

тат Яна Длугоша «*Banderia Prutenorum*» (XV в.), где приводятся описания и изображения знамен-трофеев, доставшихся польскому королю Владиславу II Ягеллону после Грюнвальдской битвы 1410 г. К этому, пожалуй, можно добавить изображения штандартов на итальянских морских картах XIV–XV вв., отмечавших сюзеренную принадлежность тех или иных городов и портов как на Западе, так и на Востоке.

Еще менее освещенной сферой истории властной символики предстают гимны. И особо отрадно, что подобному сюжету нашлось место в книге Надежды Александровны.

В целом, новое исследование Н.А. Соболевой, выполненное в лучших традициях междисциплинарной истории, заметно продвигает вперед знание о происхождении и развитии наиболее фундаментальных символов русской государственности.

А.Г. Еманов

Люди из дворца на острове Ситэ

Рец. на кн.: Цатурова С.К. *Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV века.* — М.: Логос, 2002. — 384 с.; ил.

Открывая книгу, первое, что может подумать читатель: «Еще одно исследование о модной нынче истории власти. Да и название уж очень злободневное!». Между тем, рецензируемая монография представляет собой серьезное академическое исследование, выполненное в русле активно возрождающегося в науке направления политической истории. На основе анализа протоколов Парижского парламента начала XV века и личных заметок двух секретарей-греффье, С.К. Цатурова рассматривает работу Верховного суда Франции, отраженную в своего рода «коллективном» мнении его служителей. Профессиональный и индивидуальный облик чиновничества, сущность парламентской корпорации и самоидентификация ее работников, место парламента в политической жизни — именно эти вопросы интересуют автора. Размышляя над ними, исследовательница пытается показать связь между функциями института парламента и общественным обликом его чиновников или, иными словами, понять взаимовлияние человека и учреждения.

Основным источником для исследования послужила выборка из архивов Парижского парламента — так называемые «Дневники» секретарей по гражданским делам Николя де Бая и Клемана де Фокамберга за период с 1400 по 1436 г. Этот весьма любопытный источник был составлен его издателем А. Тюэтэ, который выбрал из протоколов парламента все заметки, содержащие мнения секретарей о происходящем в суде, и опубликовал их как дневники: год за годом, день за днем. Несмотря на всю неоднозначность издания, это чрезвычайно богатый материал, который дал возможность автору проследить организацию работы парламента, формирование корпорации чиновников, и степень их влияния на первое и второе.

Первая глава монографии — а по сути «вторая», поскольку книга предваряется обширным введением — посвящена профессиональному облику служителей парламента. «Работа прежде всего» — именно таким мог быть девиз судебных чиновников. Что бы ни случилось: будь то война, политический кризис или лютый мороз — чиновник должен был

быть на рабочем месте. Даже наводнение 1408 г., отрезавшее Ситэ от остального города, не смогло помешать парламентариям выносить приговоры. Работа стала их внутренней потребностью, даже если она была не очень-то нужна королю и обществу в это время стихийно нарастающего всеобщего кризиса. Любой незапланированный перерыв воспринимался чиновниками, пишет С.К. Цатурова, «как посягательство на их интеллектуальную собственность, реализуемую в парламенте» (С. 35). В этом она видит зачатки будущей бюрократии. Работа в парламенте способствовала определенному материальному благополучию, и здесь исследовательница задается вопросом о размере этого самого «благополучия». Вопрос жалования судейских мало интересовал ученых. В связи с этим интересны приведенные в главе цифры. 10 парижских су в день — много это или мало? Это, конечно, немного, если сравнивать с богатейшим парижским торговцем, но это жалование кажется огромным, если сопоставить его с заработком крестьянина. Кроме того, у корпорации были дополнительные способы «поощрения» своих чиновников. Так, парламент оплачивал, например, время, проведенное в паломничестве или по уходу за больными близкими. Большинство ученых склоняется к тому, что должность парламентария не обогащала. С.К. Цатурова, собрав все доступные данные, приходит к заключению, что служба все же давала относительное материальное благополучие, но «не всем и не сразу» (С. 41).

Как, в каких условиях работали чиновники парламента? Насколько оправданно было мнение общества о медлительности и нерадивости служителей суда? Распорядок дня в суде был установлен королевскими ордонансами, а потому незыблем. Как орган управления, парламент дорожил своим «реноме» в обществе и наказывал служителей, посягающих каким-либо образом на честь института. Любые действия чиновников, тормозящие работу суда, карались штрафами. Все разногласия внутри себя — как профессиональные, так и повседневные — парламент держал в секрете. Между тем, общественное мнение о парламенте и его служителях не всегда было благоприятно. В своем исследовании С.К. Цатурова пытается выяснить причины

и оправданность критического настроения общества к чиновникам суда. Как показал еще Бернар Гене¹, существовала, своего рода, шкала негативности по отношению к тому или иному чину. Больше всего не любили адвокатов; активно же критиковать служителей Верховного суда, олицетворяющих королевскую власть, побаивались. Основные обвинения касались медлительности и корпоративности. Дела, действительно, рассматривались медленно. Но на низших ступенях в этом были виноваты сами истцы, затягивавшие процесс, а наверху — монополия королевского парламента, ставшая причиной нестабильности работы. Причину же цеховой замкнутости института можно усмотреть в общем увеличении количества образованных людей, желающих получить престижное место в королевском учреждении. Кроме того, как полагает исследовательница, многие, не смея критиковать действия короля, переносили свое недовольство на его служителей. И сами короли зачастую этим пользовались (Карл VI стал редким исключением).

Благодаря записям Николя де Бая исследователи могут судить о процессе самоформирования и регулирования парламентской корпорации — чему посвящена вторая глава рецензируемой монографии. В обязанности гражданского секретаря входило вести протоколы выборов и избраний на должности внутри системы. Николя де Бай сообщает интересные подробности выборных заседаний с личными отступлениями, рассказывает о продвижениях чиновников по служебной лестнице, спорных ситуациях, каковых, из-за отсутствия письменных правил принятия на службу, было немало. Чиновники выступают против вмешательства кого бы то ни было — кроме короля — в сферу назначений на должности. Реакцию чиновников на «незаконное» занятие места красноречиво передает приписка греффье: «Кто не дверью входит во двор овчий...». Исследовательница напоминает читателю ее продолжение: «...но перелазит инде, тот вор и разбойник» (С. 74).

Май 1418 года стал поворотным в истории парламента. В Париж вступил герцог Бургундский, после чего началась расправа над сторонниками арманьяков. Не избежал этой участи и Верховный суд. Большинство историков склоняются к мнению о чудовищных послед-

¹ Guenée B. Tribunaux et gens de justice dans le baillage de Senlis à la fin du Moyen Âge (vers 1380 – vers 1550). Strasbourg, 1963. P. 4–7.

ствиях «политического обновления» парламента. Между тем, С.К. Цатурова задается вопросом: а были ли они настолько катастрофичны? Сравнивая поименные списки чиновников за 1417, 1418 и 1436 гг. (а также привлекая списки налогоплательщиков Парижа 1420-х гг.), автор находит в них много общих имен. И это несмотря на разделяющее их время, богатое событиями: война, эпидемия, работа «конкурирующего» парламента дофина Карла в Пуатье. Таким образом, исследовательница показывает, что существующее мнение о «тотальной чистке» парламента при бургиньонах, скорее, умозрительно (новая власть — новые служители), чем доказательно. По ее мысли, даже в теории невозможно без ущерба для дела набрать целиком новый парламент из людей, не имеющих опыта работы. Хотя новая власть и оказывала давление на работу суда, но не в таком масштабе, как это представлялось раньше.

В третьей части книги автор задается вопросом о позиции парламента в политической жизни страны, с которой он не мог не быть связан в силу своего статуса. Однако, несмотря на стихийно-развивающиеся события, смену властей, громкое убийство герцога Людовика Орлеанского, оставшееся безнаказанным, — действия парламента, по мнению многих историков, не слишком заметны в политической расстановке сил. Безусловно, Верховный суд осуждал убийства обоих герцогов, Орлеанского и Бургундского, так же как и речь Жана Пти и насилие, принимающее угрожающие размеры в Париже. Но он не предпринимал активных попыток урегулирования катастрофической ситуации, переживаемой страной. По мнению С.К. Цатуровой, парламент отказался от идеи примирить противников, поскольку «без соблюдения законности, все равно не будет порядка» (С. 109). Хотя он и предупреждал, в частности, о последствиях речи Жана Пти, общество еще не было готово к пониманию того, что насилие порождает насилие. Причину такого отношения парламента исследовательница видит не в личных достоинствах его служителей, а в их защите своего места в обществе. Приятие насилия означало бы сведение их роли к нулю. Между тем, защищая прерогативы судебной власти, они воспитывали в обществе правовые ценности и важные принципы государственного

управления, осуждая частную войну, которая являлась преступлением против короля.

В двух последних главах — четвертой и пятой — рассматривается этика и культура парламента как форма самоидентификации работавших в нем чиновников. Интересный пассаж посвящен самоназванию служителей Верховного суда. От «Двора заседаний» (1405 г.) к «Палате парламента» (1420–1430 г.), от «сеньоров палаты» (1405 г.) к «советникам и чиновникам» (1418–1420-е гг.) — так в самоназвании проявляется претензия парламентариев на особый статус в государственной иерархии управления. Вкупе с отстаиванием определенных привилегий (освобождение от налогов, отказ от ношения оружия и верховой езды, требования особого почтения к чиновникам суда), это служило укреплению не только самого института, но и всей королевской власти в целом, интересы которой защищал парламент. Как Верховный суд отстаивал эти «интересы», автор рассматривает в следующем параграфе. Не забудем, что Карл VI был периодически болен, это мешало ему самому поддерживать свои «королевские интересы». Но он не был слабоумным². В здравии король разумно и достойно управлял, и парламент нередко предпочитал «подождать здоровья короля» для решения важных вопросов. Не зря современники называли короля Карла «достойнейшим и прекрасным», а ближайшие потомки окрестили «Любимым» (Bien-Aimé). Источник, исследуемый С.К. Цатуровой, нередко сообщает о болезни короля и своем отношении к этому. Но, предполагая, что он содержит не меньше сведений и о действиях короля, пребывающего в здравии. Эта информация используется автором в меньшей степени, во всяком случае, создается ощущение, что король всегда отсутствует, и все события происходят без его участия. Был ли король болен или здоров, парламент всегда поддерживал его интересы, видя в них интересы королевства. Он всегда подчинялся главе государства, хотя, как показывает С.К. Цатурова, мог иметь свою позицию в отдельных вопросах.

Завершающую часть монографии исследовательница посвящает собственно главным «героям» своего повествования — Николя де Баю и Клеману де Фокамбергу, без записей которых не могло быть и рассказа о жизни парламента и его «офицеров». С.К. Цату-

² См.: Guenee B. La folie de Charles VI. Le roi Bien-Aimé. P., 2004.

рова рассматривает их личные взгляды не только на происходящее во Дворце правосудия, но и на события этого насыщенного времени в целом: проблема насилия, в том числе над особами королевского дома; «свои и чужие» в гражданской и Столетней войнах; легитимность новых королей. Заметки двух грэффье начала XV в. становятся своего рода хрониками по объему и подробности описанных событий. Вместе с тем, их имена уже давно вписаны зарубежными учеными в историю ранней гуманистической культуры во Франции. В отечественной же историографии практически отсутствуют работы по проблематике французского гуманизма XIV–XV вв. Рассматривая судьбы Николя де Бая и Клемана де Фокамберга, круг их общения и переписки, состав их библиотек, востребованность гуманистических идей в их профессиональной деятельности, С.К. Цатурова в каком-то смысле открывает новую для нашей историографии тему «офицеров власти» как первых французских гуманистов.

Представленный выше беглый анализ, безусловно, не охватывает все богатство материала рецензируемой монографии. В заключение как заинтересованный читатель позволю себе высказать несколько замечаний и соображений. Монография написана хорошим научным языком, в котором в равных пропорциях сочетаются личные и описательные элементы. Однако же из некоторых пассажей бывает неясно, откуда автор черпает свои сведения: из источника или научной литературы? В связи с этим не помешали бы более конкретные ссылки. Изредка встречающиеся стилевые курьезы, вроде «надежды, убитой на мосту в Монте-ро» или «недополучение земных благ в благодарность за убийство» вызывают удивление — на фоне обычно ясного и отточенного слога — но не портят общее впечатление от работы. К плюсам книги нужно отнести хорошее оформление как внешнее, так и внутреннее. «Звонкое» маркетинговое название достойно обосновано во введении. Книга разделена на небольшие, удачно названные параграфы, сообщающие действию интригу и не дающие читателю заскучать. Минусами издания мне представляются некачественно оформленные иллюстрации (хотя само их наличие — безусловное достоинство!). Зачастую весьма неудачные подписи (вроде «Мирный пейзаж Франции») рас-

считаны на нелюбопытного читателя. Хотя к работе и прилагается список иллюстраций, из него мы не узнаем ровным счетом ничего. Между тем, подобные списки обычно рассчитаны на то, чтобы читатель узнал из них, откуда взята иллюстрация, название архива, шифр и даже лист! Разве не порадовала бы читателя, разглядывающего рисунок на стр. 34, подпись, что это работа известного Жана Фуке из манускрипта, содержащего книгу Бокаччо «О благородных мужах и женах» (1458, Munchen, Bayerische Staatsbibliothek, Cod.gall. 6f.2v). На ней художник изображает современное ему событие — так называемое «lit de justice» или заседание парламента во главе с Карлом VII, проходящее в Вандоме, по поводу процесса над герцогом Жаном II Алансонским, принцем крови, обвиняемом в сговоре с англичанами. Большинство персонажей на картине — идентифицированы, поскольку, как пишет сама же исследовательница, у каждого члена парламента было свое место. С не меньшим любопытством читатель прочитал бы на стр. 219, что на картинке изображено не просто «Заседание Королевского совета», а «lit de justice», имевшее место в 1331 г. в Лувре (BNF, ms fr. 18437, fol.2). Король выслушивает представителей Роберта д'Артуа, влиятельного сеньора, обвиненного в изготовлении фальшивок для тяжбы со своей теткой Маго д'Артуа. Персонажи этой иллюстрации также «узнаваемы» по гербам, расположенным над их головами. Я позволила себе подробно на этом остановиться не с целью упрекнуть автора, но показать, что такая «мелочь», на первый взгляд, могла помочь читателю собственными глазами увидеть заседание парламента, о котором он читает на параллельной странице.

В целом, следует признать, что книга получилась, бесспорно, интересной и нужной. Ее, безусловно, нужно читать, чтобы увидеть жизнь парламента изнутри, прожить вместе с Николя де Баем и Клеманом де Фокамбергом 30 страшных и мятежных, но вместе с тем и интереснейших лет во французской столице XV века. Книга актуальна и современна. Она будет интересна и специалисту, и широкому кругу читателей; возможно, ее найдут любопытной и современные «Баи и Фокамберги».

*Ю.П. Крылова, канд. ист. наук,
научный сотрудник ИВИ РАН*